

открыт новый этап в изучении как общины, так и кастовой системы. О. Г. Парфенов, правда, предполагает, что произошло «сращивание кастовой структуры с общинной» (стр. 256), и тем самым выдвигает тезис о возникновении каст вне общины и о периоде, когда община и касты в прошлом существовали отдельно друг от друга. Можно, однако, предполагать возникновение каст внутри общины, на почве разделения труда в ней. В статье отмечается также ценность работ А. А. Куценкова о городских кастовых группах, оказывающих заметное влияние на жизнь индийского города. Эти группы состоят из лиц, объединенных принадлежностью к одной касте и проживанием в одном районе. О. Г. Парфенов справедливо подчеркивает большой и важный вклад советских ученых в изучение каст в Индии.

В. П. Курылев в статье «К организации ремесленных цехов в Турции», опираясь главным образом на труды местных историков и этнографов, пишет о значительной специализации ремесел (в Стамбуле в XVIII в. кожевенное производство, например, делилось на 35 ремесел), об управлении цехами, процедуре приема в цех, обязанностях мастера и ученика, наказании за нарушение устава цеха. Статья содержит немало интересных данных. У нас есть, однако, два замечания. Автор подвергает сомнению тезис В. А. Гордлевского о том, что организация цехов в Турции сложилась под воздействием иранской культуры, и утверждает, что она сложилась под влиянием Византийской империи (стр. 267). Вряд ли, однако, здесь есть почва для противопоставления взглядов, так как В. А. Гордлевский отмечал и воздействие Византии на организацию турецких цехов, а сам автор статьи утверждает, что влияние Ирана «безусловно было, оно проявляется хотя бы в том, что значительная часть терминологии, связанной с ремесленными организациями Турции, имеет иранское происхождение» (там же). Далее, отмечая упадок и исчезновение цеховых организаций в наши дни, автор выражает сожаление по поводу исчезновения традиций, связанных с ними (стр. 268). Вряд ли эти сожаления обоснованы. Достаточно вспомнить, что ученик обязан был в течение пяти — семи лет «честно и правдиво служить мастеру, членам семьи, родным и детям его» (стр. 261), не получая при этом никакой платы.

Сборник, как уже было отмечено, обращен в прошлое, «от ранних этапов становления классового общества до середины XX вв.» (стр. 3). Это прошлое представляет большой интерес само по себе. Кроме того, прошлое в данном случае — это не всегда то, чего нет в настоящем. Кто хочет понять современную Азию, тот должен хорошо изучить ее прошлое по той простой причине, что оно имеет широкий выход в наши дни. Проблема каст актуальна для современной Индии, в Турции еще существуют ремесленные цехи, в Южном Вьетнаме — матронимы. Сборник в целом не только актуален, но и современен в широком значении этого слова.

К сожалению, в некоторых статьях сборника не чувствуется достаточной осведомленности авторов в современных теоретических разработках по вопросам социальной организации, в частности общины. Поэтому за обилием важного и интересного конкретного материала подчас исчезает перспектива его дальнейшего изучения и осмысления, остается не вполне ясным то значение, которое имеет этот материал для решения в общетеоретическом плане проблем, поставленных в сборнике.

Н. А. Бутинов

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ЗАПИСЕЙ ЗОРИАНА ДОЛЕНГИ-ХОДАКОВСКОГО

Zorian Dołęga Chodakowski. *Spiewy sławiańskie. pod strzechą wiejską zebrane.* (Opracował z rękopisu, wstępem i komentarzem opatrzył Julian Maślanka. Teksty pieśni odkryła Leonia Małasz-Aksamitowa. Przedmową poprzedził Julian Krzyżanowski). Warszawa, 1973, 306 s.

Українські народні пісні в записах Зоріана Долєнги-Ходаковського. (Упорядкування, текстологічна інтерпретація і коментарі О. І. Дея. Атрибуція автографів і копій та передмова Л. А. Маляш і О. І. Дея). Київ, 1974, 782 стр.

Сегодня даже трудно представить, каким важным событием для всего славянского мира было бы издание этих песен во втором десятилетии прошлого века, т. е. тогда, когда они были записаны. Их бы встретили с не меньшим восхищением, чем, скажем, знаменитые сербские народные песни в издании Вука Караджича. В широко известном сборнике Михаила Максимовича «Малороссийские песни», вышедшем в Москве

в 1827 г., насчитывалось около 130 народно-поэтических произведений. Здесь же речь идет о двух с лишним тысячах украинских народных песен, записанных в 1814—1819 годах! А есть еще песни польские, русские, белорусские, собранные тем же Зорианом Доленгой-Ходаковским (настоящие его имя и фамилия — Адам Чарноцкий, 1784—1825) — археологом, этнографом и фольклористом.

По национальности поляк, Зориан Доленга-Ходаковский родился в Белоруссии, долго жил на Украине, много странствовал по России. Жизнь его была очень тяжелой. В его письмах то и дело упоминаются долги, нищета и в то же время чувствуется большая страсть и романтическая одержимость ученого. Ни девятимесячное тюремное заключение в Петербурге за попытки якобы сотрудничать с польским подпольем, ни осуждение за это на пожизненную солдатскую службу, с которой ему удалось бежать, ни преждевременная смерть жены и единственного сына — ничто не сломило воли этого человека, его тяготения к научным разысканиям. Кстати, стоит продолжить поиски дневника «*Bez chęci podróży moja*» («Путешествие против воли»), который З. Доленга-Ходаковский вел по пути на солдатскую каторгу в Сибирь и куда он записывал наблюдения над жизнью и обычаями встречающихся ему народностей. Не хочется верить, что такой интересный материал утерян навсегда.

Научная деятельность З. Доленги-Ходаковского длилась каких-то 10 лет — между Отечественной войной 1812 г. и восстанием декабристов. За это время в трудных условиях он успел сделать очень много. Его справедливо считают одним из первых исследователей славянских городищ. Он составил историко-географический словарь, который одобрил и собственноручно переписал для себя известный чешский ученый П. Шафарик. Такой авторитетный в те времена ученый, общественный и культурный деятель, как Н. М. Карамзин, после замечаний Ходаковского вынужден был внести более 20 поправок в свою «Историю государства Российского». Труд исследователя славянских древностей, в частности «Слова о полку Игореве», высоко ценил А. С. Пушкин, а в поэме «Езерский» даже назвал себя полушута «новым Ходаковским». С восторгом была встречена одна из немногих прижизненных публикаций З. Доленги-Ходаковского — статья «*O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem*» («О славянстве перед христианством», 1818). Вот какую оценку дал ей советский ученый М. К. Азадовский: Работы «такого обширного синтетического плана еще не появлялось ни в русской и славянской, ни в западноевропейской науке»¹. З. Доленга-Ходаковский не получил специального образования, и нет ничего странного в том, что его научные методы с современной точки зрения несовершенны, что его работа несколько бессистемна. Наоборот, удивительно, как удалось ему собрать такой богатейший материал по этнографии, археологии и фольклору славян! Особенно по фольклору. Целью научных исследований З. Доленги-Ходаковского было доказать единство и общность славянских народов в древности. Он прекрасно понимал, что родную историю нельзя изучать изолированно, и настаивал на принципе сравнительного изучения. «Если,— писал он,— я перестану быть братом русинов, чехов, венгров, то мне придется оставить свои планы, и польская древность исчезнет»². Такова вкратце характеристика этого труженика.

О Доленге-Ходаковском уже написано немало. Библиография русской, украинской и польской литературы о нем дается в конце статьи Л. И. Ровняковой «Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив»³. Правда, она неполна. Так, сюда не вошли некоторые важные работы, например книга В. Юзвенко «Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці XIX ст.» (Київ, 1961). Из работ, появившихся в последние годы, следует отметить книгу Zorian Dołęga Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne» (Warszawa, 1965) польского исследователя Юлиана Маслянского и его же издание «„O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem“ oraz inne pisma i listy» (Warszawa, 1967), а также работы советских ученых: три статьи Л. А. Малаш-Аксамитовой — «Pionier folklorystyki słowiańskiej Zorian Dołęga Chodakowski» («Литература Ludowa», 1967, № 1—3), «Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) и его наследие» («Lud», 1967, t. 51), «У лошуках фольклорних збірників Доленги-Ходаковського» («Народна творчість та етнографія», 1970, № 4) и статью А. И. Дея «Автограф «Слов'янських пісень» Доленги-Ходаковського знайдено» («Народна творчість та етнографія», 1973, № 1). К этим работам примыкают, разумеется, два новых издания, о которых пойдет речь в настоящей рецензии.

О Ходаковском давно пишут и спорят, но самое ценное из его наследия — записи народных песен — до сих пор были опубликованы лишь частично. Достаточно сказать, что из 206 песен, составляющих польское издание «*Śpiewy słowiańskie, pod strzechą wiejską zebrałe*» («Славянские песни, собранные под сельской стрехой»), только три

¹ М. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, М., 1958, стр. 283.

² «Listy Zoriana Chodakowskiego z lat 1817—1821», «Biblioteka Warszawska», 1866, т. II, zes. 5, s. 163.

³ «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.», М.—Л., 1963, стр. 90—94.

появлялись в печати. Украинские записи Ходаковского можно встретить в нескольких дооктябрьских сборниках, а также в публикации песенного собрания Н. В. Гоголя. Намерение издать их полностью высказывали М. Максимович, О. Бодянский, М. Драгоманов, В. Гнатюк, В. Доманицкий и другие. Удалось это осуществить лишь теперь, спустя 150 лет после смерти З. Доленги-Ходаковского.

Обе рецензируемые книги, вышедшие почти одновременно в Варшаве и Киеве, являются серьезным вкладом в славяноведение. Выход обеих стал возможным благодаря настойчивым поискам, проведенным научным сотрудником Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН Белорусской ССР Л. А. Малаш-Аксамитовой и заведующим отделом Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рылского АН Украинской ССР А. И. Деєм. В частности, А. И. Дей разыскал в Тернопольском областном краеведческом музее оригинал сборника «*Spiewy sławiańskie, pod strzechą wiejską zbierane*» (последнее слово, как видим, в польском издании передается «zebrane», в котором, по его подсчетам, содержится 680 украинских, 184 польских, 131 белорусская, 20 русских и 1 чешская народные песни).

З. Доленга-Ходаковский считал народную песню живой и вечной, проливающей свет на прядсторию народа. Сознание этого было движущей силой его деятельности. Особенный интерес проявлял он к старинным песням — календарным и обрядовым. Так, в сборнике «*Spiewy sławiańskie, pod strzechą wiejską zbierane*» 88 свадебных песен; в книге «Українські народні пісні в записях Зорана Доленги-Ходаковського» их больше трети.

Украинское издание, включающее почти 1900 народно-поэтических произведений (так называемые «срамные» песни сюда не вошли), дает особенно большой материал для понимания жизни, культуры и быта народа. Записи сделаны на обширной территории — в Галиции, на Волини, в Центральной Украине, в Полесье. «Это, — как правильно отмечается в предисловии к книге, — своеобразная энциклопедия народной поэзии Украины на грани XVIII и XIX столетий. В таком жанровом и тематическом обилии, в таком количестве образцов в то время не было зафиксировано песенное творчество никакого другого славянского народа». В песнях содержится много ценных этнографических сведений. Здесь и старинные названия одежды, орудий труда, и описания обычаев, и отражение народной морали, семейных и общественных отношений.

Известно, как восхищался Ходаковский записанной в Галиции старинной колядкой «*O turze, co złote rożki ma*» («О туре с золотыми рожками»), которую в предисловии к польской книге Ю. Кшижановский назвал уникальной. Древний славянский обычай отразился и в украинских колядках с так называемым рождением тура или козы. В польских свадебных песнях упоминаются лвы, а также серны или олени с золотыми перстнями на рогах, в украинских — кукушки, бабеди, соколы, страусиные перья; и а тех и в других часто поется о воде, которая «туда унесла» или же «взяла венок из руты», о реке Дунае, названне которой, кстати, в украинском издании дается с прописной буквы, а в польском со строчной, как реки вообще. З. Доленга-Ходаковский внимательно изучал подобные детали и составлял их по возможности с письменными памятниками, в том числе и со «Словом о полку Игореве». Неумолимого исследователя можно упрекнуть кое-где за чересчур вольную фантазию в рассуждениях, но в главном — в записях народных песен — он был точен, как никто другой из славянских фольклористов первой половины XIX в. У него не найти даже мелких вторжений в тексты, хотя записи он делал не с пения непосредственно, а со слов, и при переписывании не мог не замечать частых нарушений метрической системы. На добросовестность Ходаковского — собирателя песен как на замечательную черту указывают авторы вступительных статей к польскому и украинскому изданиям его записей народно-поэтического творчества. В обеих отмечается, что язык фольклора ученый рассматривал как источник обогащения национальной культуры.

К сожалению, З. Доленга-Ходаковский не датировал своих записей и не указывал фамилий исполнителей песен. В лучшем случае он отмечал, что песня записана «под Кременцом», «под Киевом», «в Переяславе», в «Мазовше», «в Дорогобуже на Горыне», «в Грушеве Владимирского уезда», «в Ковельском уезде», «в Перемышльской земле», «на Волини» и т. д.

Составители обеих рецензируемых книг проделали очень большую работу по преодолению текстологических трудностей, а также по приведению записей в определенную жанровую систему. Украинские песни Ходаковский записывал польским алфавитом, причем не придерживаясь определенных правил. Особенно потрудился над жанровой классификацией А. И. Дей. В предисловии к украинскому изданию песен дается даже их жанрово-структурная статистическая таблица.

Составителям и украинского и польского изданий; предстояло разобраться не только в песенных записях З. Доленги-Ходаковского, но и во многих их копиях, сделанных фольклористами в разное время.

З. Доленга-Ходаковский тщательно собирал варианты песен. В «Українських народних піснях...» они обозначаются буквами (А, Б, В и т. д.). В одном только случае, кажется, допущена ошибка: варианты одной шуточной песни напечатаны в разных местах как два самостоятельных произведения («Ой посіяв козак гречку» и «Ой на дубу на вершечку»). В книге «*Spiewy sławiańskie...*» варианты не выделены; их, правда, здесь немного, но они все-таки есть (см. тексты под номерами 113 и 122, 153 и 154).

Примечательны встречающиеся в обоих изданиях польские и украинские варианты одной и той же песни. Взять хотя бы такую параллель:

U sąsiada domek luby,
żonka jego warta chłuby;
a ja dotąd nie mam chaty,
anim jeszcze nie żonaty.
U sąsiada kłos dojrzywa,
u sąsiada będą żniwa;
u mnie rola nie zorana,
u mnie jeszcze nie zasiana...

А сусіда жито сіє,
А у сусіда зелене,
А у мене ні сіяно,
А на полі не орано.
А у сусіда хатка біла,
А у сусіда жінка мила;
А у мене ні хатинки,
Ані щастя, ані жінки...

Общность здесь очевидна. Более известна, между прочим, украинская народная песня «У сусіда хата біла» — вариант без инверсии строф и по ритмике полностью созвучный с польским. Юлиан Кшижановский в своем вступительном слове к польскому изданию называет песню «U sąsiada domek luby» авторской, но автор, к сожалению, не указывается даже в примечаниях.

Обратим внимание на один весьма интересный факт. Когда-то И. Франко дважды писал о так называемой «полковой песне» «Гей, козаче, в ім'я бога», считая, что она возникла в 1831 г. в польском повстанческом полку Кароля Ружицкого⁴. Автор настоящей рецензии также повторил эту мысль⁵. Теперь же, с опубликованием фольклорных записей З. Доленги-Ходаковского, выяснилось, что указанная песня существовала задолго до польского освободительного восстания 1830—1831 гг., а в «Ружицком полку» ее, по-видимому, только приспособили к новым обстоятельствам. К этой, по словам А. И. Дея, «полународной песне» в рукописи дано такое примечание на русском языке: «Можно думать, что песня сия относится ко времени короля Батория. Восклицание „ура!“ или „урага!“ заимствовано с татарского (а не с англ.) языка, на коем оно значит: „бей!“. Существование оного в малорусском языке совершенно оправдывает сие замечание г. Марлинского (см. „Аммалат-Бек“»). А. И. Дей полагает, что это примечание сделал сам З. Доленга-Ходаковский, но в действительности оно принадлежит либо О. Боянскому, с чьей копии взят текст песни, либо кому-то другому. Во-первых, Ходаковский плохо владел русским литературным языком и, скорее всего, дал бы примечание к украинской песне на родном, польском языке; во-вторых, он не мог ссылаться на кавказскую повесть Марлинского «Аммалат-Бек», написанную в 1832 г., т. е. после смерти ученого.

В книге «Українські народні пісні...» начальная строфа песни «Гей, козаче, в ім'я бога» имеет непонятное окончание: «Кому мине, ди в не бога [?]. За проклятий невздогін». Вопросительный знак — составителя, которому в рукописи не удалось прочесть неразборчивые строки. Согласно «полковой песне», здесь должно быть: «Кому милі дім, небога,— За проклятим навздогін!».

Интересно проследить также жанровые метаморфозы, происшедшие с некоторыми песнями за время их существования. Так, например, польскую миниатюру «Pod opą boga siedzi wilk» Ходаковский записал как свадебную песню; теперь же на Украине она (за исключением первой строфы) бытует как детская («Ой на горі жито»).

Соотношение песен, записанных Доленгой-Ходаковским на Украине (между Бугом — Днепром) и в Польше, Юлиан Маслянка передает пропорцией 10 : 1, а А. И. Дей и Л. А. Малах — 16 : 1. При этом и в польском и в украинском изданиях ссылка делается на самого Ходаковского. Возможно, в основе несогласованности — разное прочтение цифр, написанных рукой Доленги-Ходаковского — «0» принят за «6», или наоборот (к сожалению, нам не представилось случая это проверить).

Еще в 1973 г., когда издавались «Spiewy sławiańskie...», Юлиан Маслянка писал в предисловии, что Ходаковскому принадлежит свыше 1500 записей украинских песен. Через год книга «Українські народні пісні...», в которой опубликовано 2012 текстов, опровергла это. Да и к справочной литературе теперь нужно делать поправку. Например, «Українська радянська енциклопедія» (т. 4, Київ, 1961), «Український радянський енциклопедичний словник» (т. 1, Київ, 1966), «Радянська енциклопедія історії України» (т. 2, Київ, 1970) единогласно утверждали, что Ходаковский всего «записал около 2000 песен, из них почти 1400 украинских».

Если говорить об отдельных недочетах, то в книге «Spiewy sławiańskie...» следовало ставить три точки после незаконченных записей; на стр. 41 (первая строка), 67 (пятая строка) и других встречаются опечатки. В «слове» от составителя и в предисловии к изданию «Українські народні пісні...» почти одинаково сказано о заметках

⁴ См. «Записки Наукового товариства імени Шевченка», Львів, 1913, т. 114, стр. 94; І. Франко, Твори в двадцяти томах, т. 19, Київ, 1956, стр. 655.

⁵ См. М. Й. Шалата, Маркіян Шашкевич. Життя, творчість і громадсько-культурна діяльність, Київ, 1969, стр. 149.

В. Науменко относительно песенных жанров; на стр. 23, 24 пишется о Л. Кропинском, но кто он не разъясняется.

Оба издания прекрасно иллюстрированы и фотографиями (главным образом копиями записей), и рисунками (польское — художницы Эльжбеты Муравской, украинское — художника В. М. Дозорца). К сожалению, в украинском издании нет портрета З. Доленги-Ходаковского.

Итак, польские и украинские народные песни в записях Зорiana Доленги-Ходаковского наконец изданы. Теперь предстает издать собранные им русские и белорусские песни. Только тогда деятельность замечательного ученого может быть оценена в полной мере.

М. И. Шалата

НАРОДЫ СССР

Современные этнические процессы в СССР. Редакция: Ю. В. Бромлей (отв. редактор), И. С. Гурвич, В. И. Козлов, Л. Н. Терентьева, К. В. Чистов. М., 1975. 542 стр.

Среди различных аспектов национальных процессов в нашей стране в последние годы значительное внимание исследователей привлекал этнический аспект, или, иначе говоря, собственно этнические процессы, т. е. изменения культурной специфики этнических общностей и их самосознания. В разработке этих вопросов довольно долгое время наблюдалось некоторое отставание, которое объяснялось трудностями теоретического и методического характера, недостаточной изученностью разнохарактерных этнических процессов в различных регионах нашей многонациональной страны. Однако успехи в разработке теории этноса и этнических процессов, теоретических проблем языковых и культурных контактов, а также накопление огромного этнографического материала по народам СССР сделали возможным появление этого крупного обобщающего труда по современным этническим процессам в СССР, ставшего заметным событием в научной жизни. Книга эта несомненно окажет влияние на дальнейшее развитие целого научного направления в современной этнографии — изучения этнических процессов в условиях развитого социализма. Глубокий и всесторонний анализ этнических процессов приобретает все возрастающее значение для осмысления национальных отношений в СССР на современном этапе формирования новой исторической общности — советского народа, для выявления сущности и механизма дальнейшего объединения народов страны в различных сферах материальной и духовной жизни. Актуальность и своевременность выхода книги определяется тем, что «национальные отношения и в обществе зрелого социализма это — реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи»¹.

В первых шести главах (стр. 9—155) рассматриваются методология исследования, а также исторические предпосылки, условия и факторы развития этнических процессов в СССР. Разработке теории этноса и этнических процессов посвящена глава I — «Этнические процессы как предмет исследования» (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов). Следует отметить целенаправленность теоретических рассуждений авторов главы, раскрывших и четко очерчивших содержание понятия «этнические процессы», что позволило ясно сформулировать цели и задачи монографического исследования, определить его структуру.

В соответствии с «широким» и «узким» пониманием сущности этноса Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов различают этносоциальные (преобразования в социально-экономической, политико-идеологической сферах жизни людей) и собственно этнические процессы (изменения в сферах языка, культуры, самосознания). При этом внимание акцентируется на взаимосвязи этих явлений в реальной жизни; именно они в совокупности и образуют национальные процессы, которые ведут к изменениям в социально-экономических и этнокультурных характеристиках этносов. Таким образом, этнические процессы, как специфический аспект национальных процессов, в методическом отношении совершенно правильно вычлениются для специального изучения. Вместе с тем в монографии подчеркивается, что их исследование должно осуществляться в тесной связи с социально-экономической и политической ситуацией. Эти, в теоретическом и методическом отношении глубоко и обстоятельно обоснованные, положения будут широко использованы в практике исследований, в том числе при изучении современной этнической истории конкретных народов.

Характеризуя основные типы этнических процессов — консолидацию, ассимиляцию, межэтническую интеграцию — авторы справедливо обращают внимание на тесную взаимосвязь этих явлений, а также на преобладание процессов консолидации в период социалистического строительства и процессов межэтнической интеграции в современную эпоху развитого социализма.

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1973, стр. 48—49.